

А. Д. Бабкина, Н. Н. Гончарова

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАСЕЛЕНИЯ МУРОМА И НИЖНЕГО НОВГОРОДА XVI–XVII вв.

Резюме. В статье рассматриваются две краниологические серии XVI–XVII вв., полученные в ходе археологических работ на территории кремля Нижнего Новгорода и в г. Муроме. На основании сравнительного анализа с другими материалами из этого региона обе серии демонстрируют тенденцию к брахикефализации и макросомизации черепа, характерную для городского населения. Этот процесс является также и эпохальным трендом.

По результатам статистического сравнения с более широким кругом выборок с территории европейской России изученные серии встраиваются в общие микроэволюционные тенденции. По результатам многомерного шкалирования наблюдается сближение по краниологическим признакам более крупных городов безотносительно их территориального расположения. В то же время в изученных городах Северо-Восточного региона население показывает собственный характерный комплекс признаков, который, скорее всего, связан с влиянием местного дославянского субстрата.

Ключевые слова: краниология, палеоантропология, микроэволюционные процессы, брахикефализация, городское население, Северо-Восточная Русь.

Антропологическая характеристика населения того или иного региона традиционно базируется на описании выборок сельского населения как более стабильного, консервативно сохраняющего антропологический тип. Однако такой подход неизбежно обедняет представления об исторических процессах. Без рассмотрения особенностей городского населения мы не можем в полной мере зафиксировать экологические изменения или миграционные потоки на какой-либо территории. Изучение процессов формирования антропологического типа среди городского населения позволяет уточнить существующее представление об истории региона. Материалы, датированные, к примеру, XV или XVIII в., позволяют получить представления о процессах, происходивших на территории страны после формирования единого Московского государства, во времена крупных экономических и политических потрясений. Учитывая тот факт, что в могильниках указанного периода

часто не находится иной археологической атрибуции, антропологические данные приобретают особенное значение и становятся ценным источником сведений.

Население любого города представляет собой достаточно сложно организованную популяцию, истоки которой не всегда очевидны. Оно втянуто в различные микроэволюционные процессы, которые зачастую не зависят от генезиса группы. Так, одно из наиболее существенных для антропологов явлений – увеличение размеров и массы тела в городских условиях (Алексеева, 1989; Зимина и др., 2019). Многочисленные исследования этого процесса проводились на современном населении, однако, несмотря на необходимую осторожность, в целом у нас нет оснований предполагать, что в предшествующие времена закономерности были принципиально иными. Это означает, что мы можем ожидать тенденцию к *макросоматизации* городского населения, то есть к увеличению значений тех краниологических признаков, которые характеризуют габаритные размеры черепа.

Сложность анализа антропологических материалов из городских некрополей обусловлена и разновекторными процессами формирования городского населения, которые зависели в большей степени от социально-экономических процессов. Например, система закладничества, бывшая одним из наиболее распространенных способов уклонения от налогов, оказывала огромное влияние на демографическую структуру городов. В результате вокруг каждого города возникала целая вереница слобод, где проживало в основном окружающее сельское население. Данные об этом есть, например, по Мурому (Чернышев, 2006).

Также большое значение для формирования городского населения имели миграционные процессы. Основным направлением для миграций были недавно присоединенные земли Поволжья.

На основании имеющихся у нас сведений о высоком уровне миграции и смешивания населения при анализе антропологических материалов позднесредневекового периода XVI–XVII вв. по сравнению с более ранними периодами мы могли бы ожидать:

- постепенное усреднение антропологического типа между крупными и средними городами;
- возможные отклонения и исключения от этого тренда для каких-либо конкретных поселений, т. к. живущие в нем люди могут быть, например, потомками какой-то локальной миграции;
- изменение с течением времени соотношения и величины различий между выборками сельского и городского населения.

В данной работе центральным объектом интереса выступают две городские серии с территории северо-востока центральной части Московской Руси: из Муром и Нижнего Новгорода. В качестве референтной группы – с целью выявления более или менее универсальных процессов сложения антропологических особенностей городского населения – использована выборка из городского кладбища г. Смоленска XVI–XVII вв.

Изученные выборки, датировка и численность представлены в таблице 1.

Для сравнения материалов взяты краниологические данные синхронных выборок, а также более ранних выборок XII–XIII вв – для того, чтобы проследить также возможные диахронные и эпохальные изменения (см. табл. 2; рис. 1).

Таблица 1. Изученные городские серии

	Локализация	Датировка	Мужчины	Женщины	Всего
1.	Муром	XVI–XVII вв.	9	4	17
2.	Смоленск	рубеж XVI–XVII вв.	17	19	36
3.	Нижний Новгород	XVI–XVII вв.	35	23	58

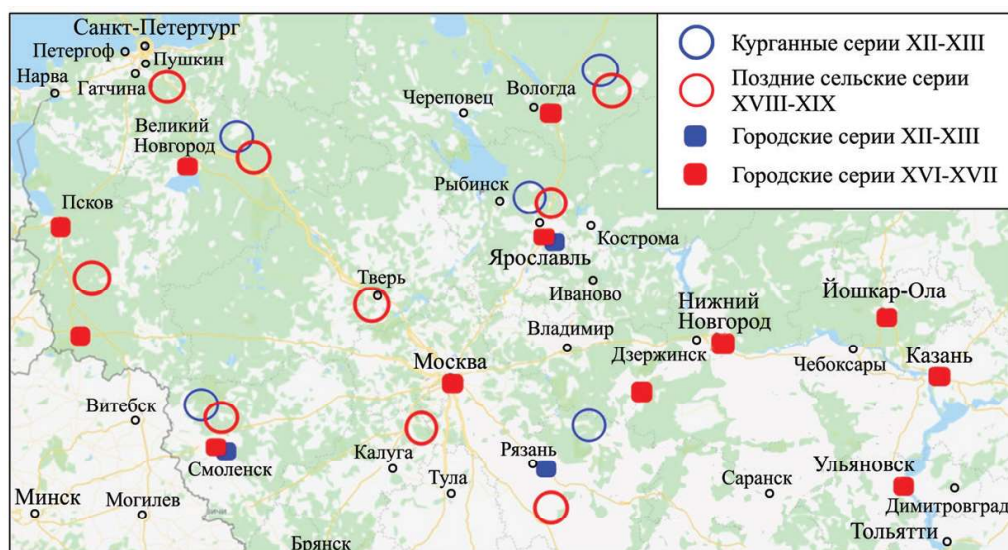

Рис. 1. Географическое положение краниологических серий

Таблица 2. Серии, использованные для сравнительного краниологического анализа

Локализация	Численность		Источник данных
	Мужчины	Женщины	
Городские серии XII–XIII вв.			
Смоленск	11	—	Алексеева, 1973
Старая Рязань	15	5	Там же
Ярославль	32	19	Гончарова, 2011
Городские серии XVI–XVII вв.			
Вологда, Парковый переулок	46	32	Моисеев и др., 2012
Казань	39	20	Алексеев, 1969
Казань, церковь Параскевы Пятницы	42	28	Газимзянов, Макарова, 2012

**Антропологическая характеристика населения Муром
и Нижнего Новгорода XVI–XVII вв.**

Локализация	Численность		Источник данных
	Мужчины	Женщины	
Москва, Георгиевский монастырь	10	110	<i>Дубов, Дубова, 2000</i>
Москва, церковь Вознесения на Никитской	12	16	Там же
Москва, церковь Святителя Николая на Берсеневке	18	8	Там же
Москва, церковь Феодора Студита	15	11	Там же
Нижний Новгород	11	6	<i>Комаров, Васильев, 2014</i>
Новгород Великий	34	19	<i>Пежемский, 2000</i>
Новгород, Досланьский раскоп	24	17	<i>Евтеев, Олейников, 2015</i>
Псков	20	—	<i>Пежемский, 2013</i>
Свияжск	15	15	<i>Макарова, 2011</i>
Себеж	84	58	<i>Алексеев, 1969</i>
Симбирск	17	10	Там же
Старая Русса	11	—	<i>Пежемский, 2012</i>
Царевококшайск	36	15	<i>Макарова, Харламова, 2013</i>
Ярославль	9	10	<i>Гончарова, 2011</i>
Курганные серии XII–XIII вв.			
Владимиرو-рязанско-нижегородская группа	24	23	<i>Алексеева, 1973</i>
Вологодская область	43	27	<i>Гончарова, 2000</i>
Муромский уезд, д. Борисово	6	3	Конопелькин, <i>Гончарова, 2016</i>
Новгородская область	25	25	<i>Гончарова, 2000</i>
Смоленская группа	51	34	<i>Алексеева, 1973</i>
Ярославская группа	58	27	Там же
Сельские серии XVIII–XIX вв.			
Вологодская губ.	17	—	<i>Алексеев, 1969</i>
Московская губ.	12	—	Там же
Новгородская губ.	24	—	Там же
Петербургская губ.	42	15	Там же
Псковская губ.	15	3	Там же
Рязанская губ.	22	—	Там же
Смоленская губ.	16	—	Там же
Тверская губ.	63	11	Там же
Ярославская губ.	44	—	Там же

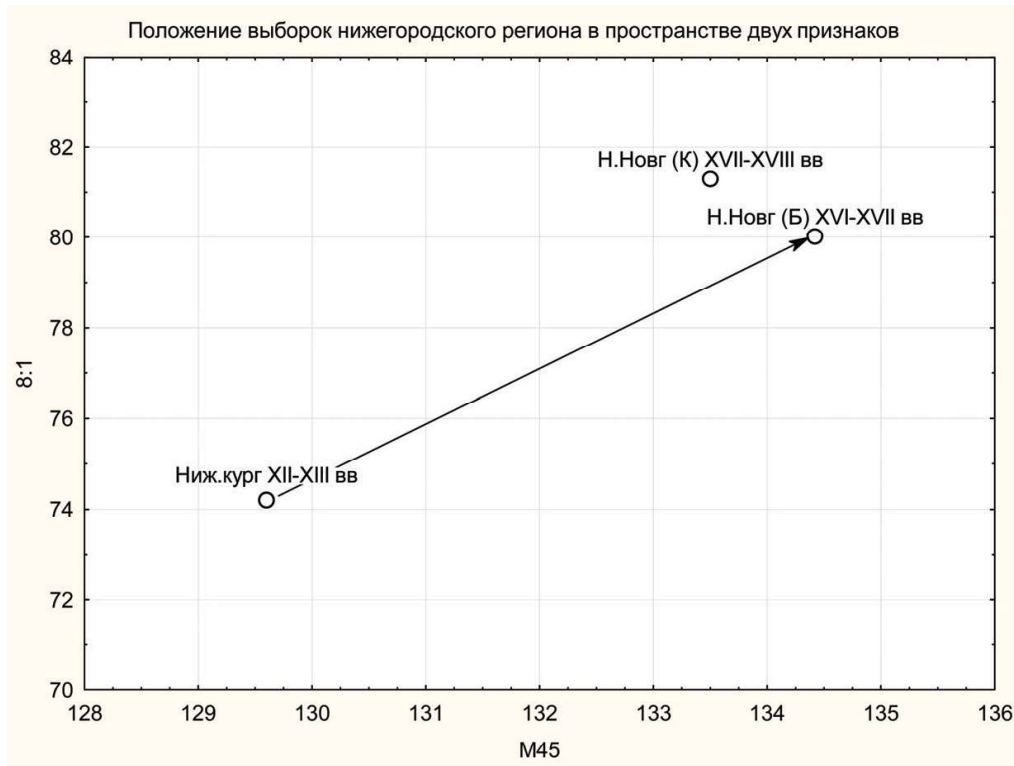

Рис. 2. Сопоставление населения нижегородского региона по скуловой ширине и черепному указателю

В работе были использованы классические краниометрические методики (Алексеев, Дебец, 1964). В качестве дифференцирующих в многомерных анализах были использованы 18 наиболее важных краниологических признаков.

Анализ данных проводился как по мужским, так и по женским сериям. Однако статистические анализы проведены по мужским выборкам: вследствие лучшей сохранности имеется больший по численности сравнительный материал.

По результатам краниологического описания было установлено, что все изученные выборки, а особенно ярко серия из Нижнего Новгорода характеризуются повышенными значениями показателей изменчивости, что может свидетельствовать о гетерогенности групп.

В начале был проведен анализ данных по методу, предложенному Т. И. Алексеевой (1973): сравнение групп по отдельным признакам. В качестве дифференцирующих показателей для населения средневековых городов и сел Т. И. Алексеева считала поперечно-продольный индекс и скуловую ширину лица.

На рис. 2 показано положение трех выборок из нижегородского региона. Наши данные по выборке из Нижнего Новгорода XVI–XVII вв (далее обозначены – Н. Новг (Б)) были сопоставлены с данными XVII–XVIII вв. по этому городу (далее – Н. Новг (К)) (Комаров, Васильев, 2014) и с серией владимиرو-рязанско-нижегородской группы курганов XII–XIII вв. (Алексеева, 1973).

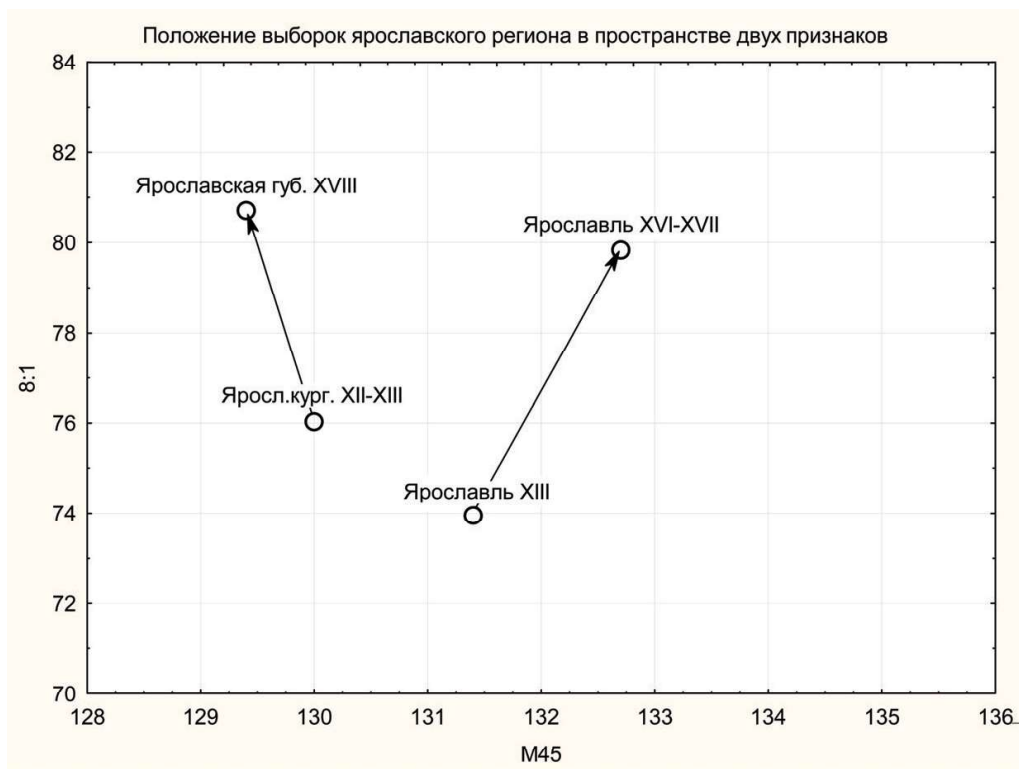

Рис. 3. Сопоставление населения ярославского региона по скуловой ширине и черепному указателю

Изученная нами серия Н. Новг (Б) обнаруживает не так много достоверных отличий от серии Н. Новг (К). В целом ее можно охарактеризовать как более макросомную: то есть все параметры мозгового и большинство параметров лицевого отдела крупнее, чем в выборке Н. Новг (К). Выборка Н. Новг (К) XVII–XVIII вв. оказывается в среднем несколько более брахикранной и одновременно более узколищей.

Отличия от курганной серии XII–XIII вв. более заметно. Поздние городские выборки Нижнего Новгорода характеризуются заметно большей скуловой шириной и большей брахикранностью – так же, как это показано в монографии Т. И. Алексеевой (1973).

Для понимания масштаба изменений приведем результаты аналогичного анализа для выборок ярославского региона. На рисунке 3 представлены данные по городской группе XII в., городской группе XVII в., ярославской группе курганов XII–XIII вв. и поздней сельской сборной серии Ярославской губернии XVIII–XIX вв. (табл. 2).

В целом наблюдаются те же закономерности: постепенная макросомизация и брахикефализация городского населения. Однако мы также можем зафиксировать важные закономерности и отличия между регионами.

Первое на что надо обратить внимание – изменчивость характеристик внутри регионов. Различия между ранними и поздними сериями ярославского региона

значительно меньше, чем между сериями нижегородского региона, что наглядно видно на рисунках (рис. 2, 3). Другой регион, в котором также обнаружена значительная изменчивость краниологических признаков, – Смоленск и его область (по результатам исследования смоленской серии XVI–XVII вв. планируется отдельная публикация). В качестве одной из причин для большого размаха изменчивости нами предполагается особенное положение этих городов: и Смоленск, и Нижний Новгород долгое время были пограничными для русских земель. Нижний Новгород вплоть до XVI в. имел значение военно-административного форпоста в войнах против Волжской Булгарии и Казанского ханства. На западе от Москвы подобную роль в начале Нового времени играл Смоленск, расположенный на стыке трех государственных образований. Возможно, эти обстоятельства в числе прочих обеспечивают значительную гетерогенность населения этих двух городов.

Вторая особенность – размах изменчивости значений краниологических характеристик между синхронными городскими и сельскими группами: более ранние выборки ярославского региона больше похожи между собой, чем более поздние.

Следующей задачей является соотнесение морфологических особенностей исследованных групп с более широким спектром краниологических материалов. В качестве сравнительного фона выбраны серии, характеризующие облик как более раннего (XII–XIII вв.) так и более позднего (XVI–XVIII вв.) населения центральной части европейской России (см. табл. 2).

Многомерные методы статистики позволяют анализировать группы по комплексу признаков, а не по каждому признаку в отдельности. В настоящей работе мы использовали канонический дискриминантный анализ (далее – КДА) и многомерное шкалирование. Поскольку эти методы имеют различный математический аппарат, результаты анализов дополняют друг друга.

С помощью КДА выделяется комплекс признаков, по которым группы разделяются наилучшим образом. Для этого рассчитываются дискриминирующие функции, называемые каноническими переменными (далее – КП). В анализе использованы 18 наиболее употребимых расоводиагностических признаков (рис. 4).

Наиболее значимы для разделения по КП I оказались продольный и поперечный размеры мозгового отдела черепа, кроме них имеют некоторое значение назо-малярный угол и высота переносья. В связи с этим на правом полюсе графика оказываются выборки с коротким и широким (брахикранным) черепом, более выступающим переносьем и менее уплощенным лицом на верхнем уровне. На левом полюсе – выборки с противоположным набором характеристик. Можно заметить, что КП I разделила выборки на ранние (слева) и поздние (справа).

Вторая каноническая переменная (КП II) разделила группы следующим образом: в верхней части графика расположены выборки с большим поперечным диаметром черепа, высоким и узким лицом, относительно уплощенным на обоих уровнях. В нижней части – выборки с противоположным набором черт. Очевидно, что КП II разделяет городские и сельские группы, при этом различия между ними прослеживаются более четко среди поздних выборок.

Необходимо обратить внимание на то, что наиболее многочисленная группа городских выборок XVI–XVII вв., в свою очередь, также разделяется на несколько частей:

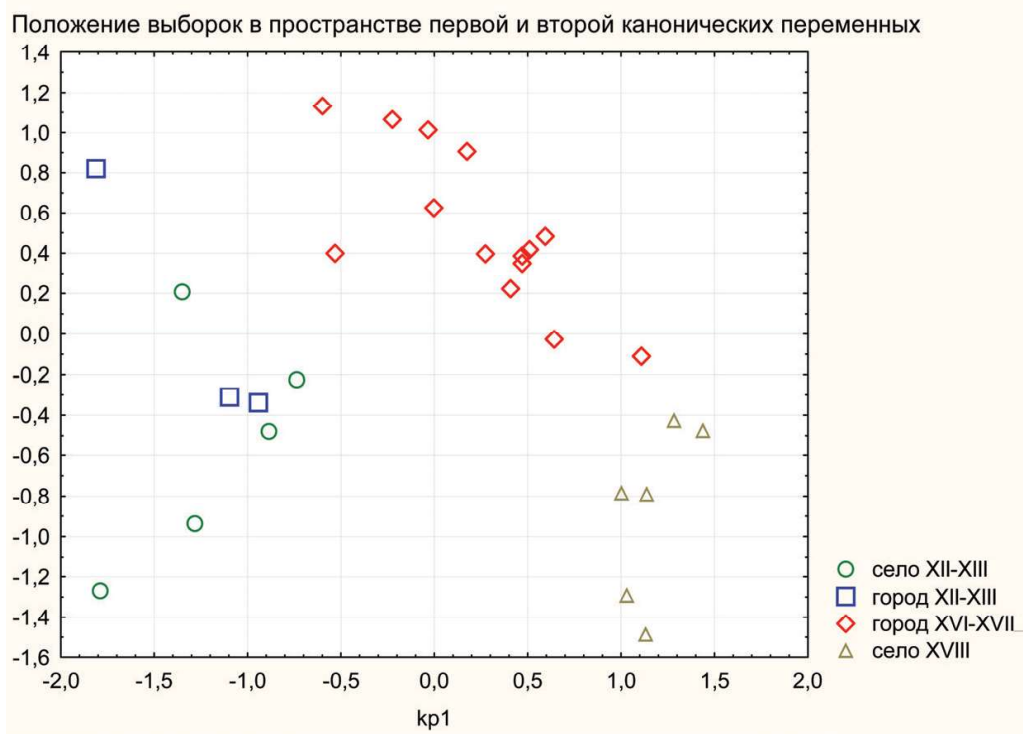

Рис. 4. Результаты канонического дискриминантного анализа. Положение выборок в пространстве КП I и КП II

1 – Смоленские кург.; 2 – Вологодские кург.; 3 – Ярославские кург.; 4 – Нижегородские кург.; 5 – Новгородские кург.; 6 – Смоленск XII в.; 7 – Ярославль XIII в.; 8 – Старая Рязань; 9 – Муром; 10 – Смоленск XVI–XVII вв.; 11 – Нижний Новгород (Б); 12 – Ярославль XVII в.; 13 – Вологда; 14 – Новгород (П); 15 – Новгород (Е); 16 – Казань (цпп); 17 – Казань (А); 18 – Москва; 19 – Симбирск; 20 – Себеж; 21 – Царевокошайск; 22 – Свияжск; 23 – Рязанская губ.; 24 – Новгородская губ.; 25 – Смоленская губ.; 26 – Вологодская губ.; 27 – Ярославская губ.; 28 – Московская губ

- На графике есть тесное скопление точек (14–18, 22), в которое попадают выборки из Казани, Новгорода, Москвы и Свияжска. Вероятно, этим подтверждается предположение, что некоторые из них имели тесные связи с Москвой, как это было показано в работе о населении Новгорода (*Пежемский, 2000*).

- Выборки из маленьких городов, таких как Себеж (20) и Симбирск (19), тяготеют к сельскому населению XVIII в., которое образует компактное скопление точек.

- Выборка из Смоленска XVI–XVII вв. (10) отдалена от синхронных городских выборок. Она тяготеет скорее к курганному населению XII–XIII вв., а также обнаруживает значительное отличие от выборки из Себежа, несмотря на территориальную близость. Этот факт заслуживает внимания и дальнейшей интерпретации.

В верхней части графика мы видим обособленный кластер из четырех выборок (9, 13, 21, 11), включающий Муром, Нижний Новгород, Вологду и

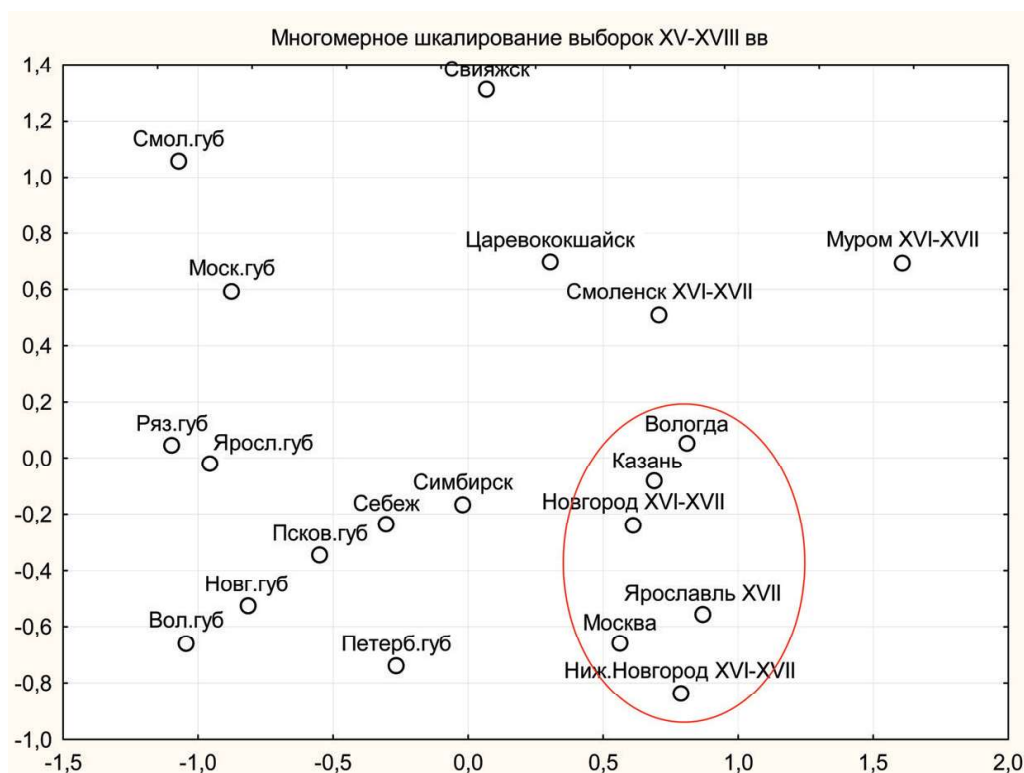

Рис. 5. Многомерное шкалирование выборок XV–XVIII вв.

Царевококшайск. Промежуточное положение по отношению к этой группе занимает выборка из Ярославля XVII в (12). Данный кластер представляет как раз означенный нами регион северо-востока русских земель. Для этих четырех выборок характерно специфическое сочетание признаков: относительно узкое лицо сочетается с некоторой уплощенностью на уровне скул и на уровне глазниц. Подобные характеристики свойственны финским группам Восточной Европы (Конопелькин, Гончарова, 2016).

Таким образом, достаточно вероятным видится предположение о наличии следов смешения жителей указанных городов с окружающим населением финно-угорских групп. Это предположение находит подтверждение в работах других исследователей: следы смешения различных финно-угорских групп и потомков славян находят в Царевококшайске (Макарова, Харламова, 2013) и Вологде (Моисеев и др., 2012). Об этом говорится и в других исследованиях (Конопелькин, Гончарова, 2016; Комаров, Васильев, 2014). Значит, мы можем констатировать, что характерное смешение имеет место только в городах и не затрагивает сельское население.

На последнем этапе для межгруппового сопоставления имеющихся материалов позднего периода был применен метод многомерного шкалирования. Этот метод позволяет визуализировать на плоскости расстояния между выборками, существующие в многомерном пространстве. Главное отличие этого метода от КДА

закljučается в отсутствии априорного деления объектов на группы. Анализ был проведен на основании более широкого набора из 28 признаков (рис. 5).

В результате многомерного шкалирования – как и в случае КДА (рис. 4) – четко видны две разделившиеся группы: городские и сельские серии. При этом, в отличие от предыдущего анализа, сельские выборки здесь разделяются и по территориальному признаку.

Положение городских групп принципиально иное. Мы не видим никаких территориальных группировок, более того, полностью исчезли те скопления, которые мы выделяли на рис. 4. Тем не менее среди городских выборок на рис. 5 можно выделить новую группу точек (обведена линией). В нее попадают серии из более крупных городов, а остальные выборки оказываются на «периферии». Таким образом, по-видимому, мы можем наблюдать распределение выборок по степени урбанизированности городов.

Различия в результатах КДА и многомерного шкалирования связаны, по-видимому, с двумя факторами: во-первых, со сменой масштаба, поскольку в первом анализе задействованы и ранние, и поздние выборки; во-вторых, с включением в исследование дополнительных признаков, что позволило увидеть возможные новые закономерности.

Заключение

На примере изученных нами выборок из Нижнего Новгорода и Муром XVI–XVII вв. видны общие тенденции изменений антропологического типа, характерные для жителей городов. К таким тенденциям относится брахикефализация и макросомизация городских жителей по сравнению с представителями сельского населения, а также с населением более ранних эпох. Отметим, что эти тенденции характеризуют одновременно и общие эпохальные трансформации антропологического типа; они могут проявляться неравномерно и несинхронно друг с другом в разных регионах. Так, для Нижнего Новгорода зафиксирован значительно больший масштаб морфологических изменений от XII к XVII в. по сравнению с другими городами северо-восточного региона. Такое же наблюдение было сделано для выборок, относящихся к смоленскому региону.

Изученные выборки из Муром и Нижнего Новгорода в целом вливаются в общий тренд, характерный для позднесредневекового периода XVI–XVII вв.: более крупные города сближаются между собой по антропологическим характеристикам населения вне прямой зависимости от территориального расположения, а более мелкие провинциальные города остаются на периферии этого процесса.

В то же время мы можем наблюдать некоторые особенности антропологического типа, характерные именно для городов северо-востока русских земель, к которым относятся наши выборки: вероятно, в их антропологических характеристиках прослеживаются следы смешения с финно-угорскими группами коренного населения этих мест.

В дальнейшем полученные результаты будут с необходимостью уточняться, поскольку археологические работы на могильнике в Нижнем Новгороде продолжаются.

Литература

- Алексеев В. П., 1969. Происхождение народов Восточной Европы (краниологическое исследование). М.: Наука. 325 с.
- Алексеев В. П., Дебец Г. Ф., 1964. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука. 128 с.
- Алексеева Т. И., 1973. Этногенез восточных славян по данным антропологии. М.: Изд-во МГУ. 332 с.
- Алексеева Т. И., 1989. Проблема биологической адаптации и охрана здоровья населения // Антропология – медицине. М.: Изд-во МГУ. С. 16–36.
- Газимзянов И. Р., Макарова Е. М., 2012. К антропологической экспертизе черепов из храма «Во имя святой великомученицы Параскевы Пятницы» // Актуальные вопросы археологии Поволжья. Казань: ЯЗ. 166–179 с.
- Гончарова Н. Н., 2000. Особенности антропологического типа новгородских словен в связи с вопросами происхождения // Народы России: от прошлого к настоящему. Антропология. Ч. 2 / Отв. ред. Т. И. Алексеева. М.: Старый сад. С. 66–94.
- Гончарова Н. Н., 2011. Формирование антропологического разнообразия средневековых городов: Ярославль, Дмитров, Коломна // Вестник антропологии. № 19. С. 202–216.
- Дубов А. И., Дубова Н. А., 2000. Антропологическая характеристика четырех краниологических серий с территории города Москвы // Народы России: от прошлого к настоящему. Антропология. Ч. 2 / Отв. ред. Т. И. Алексеева. М.: Старый сад. С. 130–150.
- Евтеев А. А., Олейников О. М., 2015. Археологические и палеоантропологические исследования на Даньславле улице в Великом Новгороде // Российская археология. № 1. С. 136–152.
- Зими́на С. Н., Гончарова Н. Н., Негашева М. А., 2019. Изменчивость морфологических признаков под влиянием городской среды у мужчин и женщин // Вестник Московского университета. Серия 23: Антропология. № 2. С. 15–25.
- Комаров С. Г., Васильев С. В., 2014. Краниологическое исследование группы лиц, погребенных в некрополях на территории Нижегородского Кремля // Вестник антропологии. № 1 (27). С. 93–112.
- Конопелькин Д. С., Гончарова Н. Н., 2016. Сравнительный краниологический анализ восточноевропейских городских и сельских выборок XVI–XVIII вв. // Российская археология. № 2. С. 75–87.
- Макарова Е. М., 2011. Первые поселенцы острова-города Свияжск. К вопросу об антропологическом составе населения // Историко-культурное наследие и современная этнология: материалы конференции молодых ученых. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН. С. 21–32.
- Макарова Е. М., Харламова Н. В., 2013. Население Царевококшайска (Йошкар-Олы) конца XVI – середины XVIII вв. по данным антропологии (предварительные результаты исследования) // Интеграция археологических и этнографических исследований: сборник научных трудов. Т. 2 / Под ред. Н. А. Томилова, Иркутск: Изд-во ИрГТУ. С. 82–88.
- Моисеев В. Г., Хартанович В. И., Ширококов И. Г., 2012. Краниология позднесредневекового населения Вологды // Антропология. № 3. С. 95–109.
- Пежемский Д. В., 2000. Новые материалы по краниологии позднесредневековых новгородцев // Народы России: от прошлого к настоящему. Антропология. Ч. 2 / Отв. ред. Т. И. Алексеева. М.: Старый сад, 2000. С. 95–129.

Пежемский Д. В., 2012. Первые палеоантропологические материалы из Старой Руссы // Вестник антропологии. № 21. С. 37–48.

Пежемский Д. В., 2013. Новые краниологические материалы по позднесредневековому населению Пскова // Вестник антропологии. № 3 (25). С. 121–126.

Чернышев В. Я., 2006. Социальноэкономическая история Муром XVII в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Сведения об авторах

Бабкина Анастасия Дмитриевна, МГУ им. Ломоносова, e-mail: poh.yolla@gmail.com;

Гончарова Наталья Николаевна, МГУ им. Ломоносова, e-mail: 1455008@gmail.com

A. D. Babkina, N. N. Goncharova

THE POPULATION OF MUROM AND NIZHNIY NOVGOROD IN XVI–XVII: ANTHROPOLOGICAL CHARACTERISTICS

Summary. The article discusses two craniological series obtained during archaeological work in Nizhny Novgorod (excavations in the Kremlin) and Murom cities. Both series are chronologically related to the XVI–XVII centuries.

Based on a comparative analysis with other materials from the region, both series show a tendency to brachycephalization and macroscopic skull, which is specific to the urban population. This process is also an epochal trend.

Based on the results of comparison with a wider range of craniological samples from the territory of European Russia, the studied series are integrated into general microevolutionary trends. According to the multidimensional scaling results, there is a convergence of craniological characteristics of city population, observed regardless of the territorial location.

At the same time, the population of the northeastern cities demonstrates a distinctive set of signs, which is most likely associated with the influence of the local pre-Slavic substrate.

Keywords: craniology, paleoanthropology, microevolutionary processes, brachycephalization, urban population, north-eastern European Russia